Р-89

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. ІЮЛЬ. 1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ. А. С. Лацинскаго. 3—21

II. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. Б. Скуратовъ. 22—32

III. Воспоминанія о Рыбаковѣ. Д. Проскурнина. . . . 33—35

IV. Свидѣтельство, данное Н. Ю. Акацатову дворянами Ольвіопольскаго уѣзда. М. М. Киріакова. . . 36—38

V. Московскій Звенигородъ и Саввинъ Сторожевскій монастырь. Б. А. С. . . . . 39—47

VI. Вѣнокъ на гробъ Пушкина. Н. Лернера. . . . . 48—58

VII. О портретѣ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. П. М. Майкова. . . . . 59—63

VIII. Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству. В. С. Чеважевскаго. . 64—95

IX. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны П. В. . . 96—143

X. Воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ. Н. Авенаріуса. . . 144—145

XI. Александръ I въ Архангельскѣ. П. Едемскаго. . . . 146—149

XII. Дневникъ И. И. Шамшина. . . . . 150—157

XIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2-го по 16-е декабря 1915 г. . 158—160

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1916 года.

За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминанія г.г. Глѣбовыхъ).

ГЛАВА II[1]).

Начальное обученіе и первое исполненіе роли охотничьей собаки.

Дни текли за днями; незамѣтно прошло два года. Надумали меня учить. За это дѣло взялся самъ вотчимъ. Какой страхъ переживала я при одной мысли о такомъ просвѣтителѣ, даже теперь жутко вспомнить. Мать переживала то же, что и я. Нѣсколько разъ она предлагала взять учительницу, но получала слѣдующій отвѣтъ:

— Стоитъ на нихъ тратить деньги. Я самъ дамъ имъ домашнее образованіе.

Ну и дѣйствительно образовалъ.

Какъ ни оттягивала мать рокового начала, но оно приближалось; приближалось безжалостно и наконецъ настало.

— Позвать ко мнѣ Машку, приказалъ однажды мой будущій наставникъ.

Я сидѣла рядомъ въ комнатѣ и тихонько, боясь быть услышанной, грызла кедровые орѣхи. При упоминаніи моего имени я цѣликомъ проглотила орѣхъ и сильно закашлялась. Пришлось идти, идти, какъ на казнь. Вѣроятно я очень была блѣдна, потому что вотчимъ, какъ будто встревожась, спросилъ:

— Что у тебя, животъ что ли болитъ?

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ іюнь 1916 г.

— Нѣтъ, благодарю васъ, папаша, мнѣ очень хорошо. Отвѣтъ сопровождался книксеномъ.

— Ну не болитъ и хорошо. Садись.

Я вошла. Вотчимъ взялъ книгу. Это была азбука. Указывая пальцемъ на букву, онъ сказалъ:

— Это „а“ понимаешь?,

— Понимаю, отвѣчала я.

— А это „б“, понимаешь?

— Понимаю, отвѣчала я.

— А это „в“, понимаешь?

— Понимаю.

— Ну вотъ помни.

Такъ онъ мнѣ разомъ показалъ всю азбуку и приказалъ запомнить.

— Учи, черезъ два дня я тебя спрошу.

— Хорошо-съ, отвѣчала я и хотѣла уходить.

— Сиди, урокъ не конченъ.

Я снова пригвоздилась къ мѣсту. Онъ позвалъ мать, та вошла.

— Я задалъ ей выучить азбуку; сроку назначилъ два дня, не вздумай ей помогать, репетиторъ излишенъ; надо, чтобы пріучалась къ самостоятельной работѣ. Ступай. Мать вышла.

— Ну, теперь ариѳметику, цифры выучишь потомъ, а теперь примемся за таблицу умноженія. Она ничего общаго съ ариѳметикой не имѣетъ; она сама по себѣ, а ариѳметика сама по себѣ. Главное память и вниманіе.

— Да, папаша, поддакнула я.

— Тебя не спрашиваютъ, оборвалъ меня мой профессоръ.

Я смолкла.

— Ну помни...

Что такое онъ мнѣ говорилъ, какъ онъ объяснялъ, я тогда ничего не понимала, а потому и теперь не могу объяснить. Словомъ, первый урокъ кончился, и я была отпущена. Буквы, разумѣется, я перезабыла, мать помогала, но запомнить въ два дня всю азбуку невозможно, какъ невозможно запомнить и умноженія. Ну вотъ насталъ второй урокъ. Чтобы какъ-нибудь задобрить учителя, я раза три сдѣлала ему реверансъ, но онъ не обращалъ на это вниманія.

— Садись, отрывисто приказалъ онъ.

Я сѣла, въ лѣвой ногѣ начались судороги, и она непроизвольно дергалась.

— Не дергай ногой! крикнулъ учитель, но нога моя, точно нарочно, стала танцевать еще сильнѣй.

— Я что тебѣ говорю?

Набравшись духу, я пробормотала:

— Она папаша сама...

— Что сама?

— Нога... танцуетъ...

— Гм... ну, ладно.

Онъ открылъ книгу и ткнувъ въ первую попавшую букву спросилъ:

— Какая?

Я хорошо запомнила, что первая буква „а", а потому не задумываясь и объявила: „а". Здоровый щелчекъ по носу былъ отвѣшенъ за мое легкомысліе.

— Вотъ тебѣ „а". Не „а"—„ы", поняла? Остолопъ Царя персидскаго. Я молчала.

— Что молчишь? Поняла?

— Нѣтъ, папаша...

— Вотъ это „а", это „ы". Поняла?

— Да.

— Ну вотъ. Укажи-ка мнѣ ижицу,—подставляя книгу, спросилъ вотчимъ. Я ткнула наугадъ и попала въ ѳиту. Опять послѣдовалъ щелчекъ, но уже не въ носъ, а въ лѣвое ухо. Оно разомъ загорѣлось и заболѣло, а въ носу не переставало щекотать отъ перваго пріема педагога.

— Ну я тебѣ болѣе не задамъ, изволь-ка повторить; да совѣтую вызубрить, а то высѣку. Поняла?

— Поняла.

— Ну вотъ. Саша—позвалъ онъ мать: та вошла. Пройди съ Машей урокъ; она ничего не знаетъ. Пусть выучитъ, а то высѣку. Поняла? Да поняла.—Ступай.

Мать вышла.

— Теперь отвѣчай таблицу умноженія. Сколько будетъ дважды три?

— Четыре, отвѣчала я едва слышно. Сильный ударъ въ затылокъ былъ пущенъ въ награду за мудрый отвѣтъ. Я слетѣла со стула, но быстро оправилась и снова вскочила на стулъ.

— А сколько будетъ дважды два?

— Четыре, отвѣтила я опять...

— Ну, то-то-же... На сегодня, ступай...

Такъ шло мое ученіе „такъ я училась читать, писать и считать". Сколько было щелчковъ, сколько было дерганій за ухо, за волосы, трудно даже приблизительно сосчитать. Желаю моимъ друзьямъ столько рублей, и они будутъ

богаты. Въ праздничные дни ученія не было, и мой наставникъ занимался охотой. У него былъ прекрасный песъ Шойтонка, но вотъ какъ-то песъ пропалъ, а на охоту очень хотѣлось.

Вотчимъ одѣлся въ охотничій костюмъ, закинулъ на спину ружье и двинулся въ путь. Я играла около дома. Онъ увидѣлъ меня и позвалъ за собой. Я покорно шла. Дорога была длинная, трудная и было очень жарко. На головѣ не было шляпы, солнце пекло, и мнѣ ужасно хотѣлось пить; несмотря на то, что у „папаши" была фляжка, попросить воды я не рѣшалась. Только я предалась мечтамъ о водѣ, какъ показалось болото; онъ прошепталъ мнѣ повелительно „стой" и началъ пристально смотрѣть передъ собой и осторожно снимать съ плеча ружье. Раздался выстрѣлъ, и двѣ птицы грузно кувыркнулись въ воду. Упали онѣ очень далеко и достать ихъ не было никакой возможности. Вотчимъ досадливо покручивалъ и покусывалъ усы. Затѣмъ взглянулъ на меня, задумался, видимо у него родилась какая-то мысль, но онъ не рѣшался ее высказать разомъ. Затѣмъ отрывисто приказалъ:

— Раздѣвайся.

Я сначала не поняла...

— Раздѣвайся, дура. Тебѣ говорятъ.

Я начала исполнять приказаніе. Сняла туфли, чулки и остановилась.

— Раздѣвайся еще...

Я немного помедлила, но ослушаться не смѣла и осталась въ нижнемъ бѣльѣ.

— Снимай все. Не упрямься, а то смотри у меня.

Я стала быстро раздѣваться. Раздѣвшись до положенія больше чѣмъ Евы, я ждала дальнѣйшихъ распоряженій.

— Полѣзай въ воду и тащи утокъ.

Несмѣло я двинулась по топкому болоту. Ноги грузли, но мнѣ было десять лѣтъ, и я была худа. Болото выдерживало. Наконецъ, добралась до воды и прыгнула, было неглубоко, и первую утку я достала довольно легко и, какъ хорошо дрессированная собака, положила ее къ ногамъ охотника.

— Полѣзай за второй!—снова раздался приказъ.

Я снова полѣзла въ воду. Достать вторую птицу было не такъ-то легко. Она не была разомъ убита и первое мгновеніе въ предсмертной агоніи отплыла довольно далеко. Я смѣло шла, вытянувъ впередъ руки; наконецъ, вода стала

глубока и постепенно я все больше и больше погружалась въ воду, которая стала доходить мнѣ до шеи.

— Плыви, донеслось до меня. Я плавать не умѣла, но ринулась впередъ и почему-то разомъ стала плыть. Плаванье было неумѣлое. Я фыркала, захлебывалась, но, благодаренье судьбѣ, добралась до трофея. Схвативъ птицу за шею, я уже не могла съ нею плыть и чувствовала, что могу утонуть.

— Бери утку въ ротъ и плыви, командовалъ „папаша". Я взяла птицу зубами за крыло и, задыхаясь, двинулась въ обратный путь. Какъ я добралась до берега—не помню. Утку я подала и впала въ легкій обморокъ. Когда я очнулась, то увидала очень близко сѣро-зеленые глаза вотчима и его щетинистые усы. Онъ стоялъ передо мной на колѣняхъ, вливалъ мнѣ воду въ ротъ и мочилъ виски.

— Ну, нѣженка, подумаешь, какія страсти, не можетъ достать пары утокъ. Одѣвайся.

Я дрожащими руками стала облачаться и минутъ черезъ пять была готова.

— Теперь маршъ домой. А за то, что толкомъ ничего не можешь сдѣлать, не получишь завтра за обѣдомъ утокъ. Поняла?

— Поняла...

— Ну, вотъ...

Домой я шла довольно бодрая; вода освѣжила меня, и сознаніе миновавшей опасности подбадривало. Жить было тяжело, скверно, но жить хотѣлось, и я спѣшила домой подѣлиться съ матерью впечатлѣніями. Порой мнѣ даже дѣлалось весело отъ сыгранной мной роли за убѣжавшаго Шойтона. Первый мой дебютъ въ жизни былъ въ роли охотничьей собаки. Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ, и на что можетъ толкнуть деспотизмъ и самодурство...

Добравшись домой, вотчимъ весело разсказывалъ матери о случившемся, а та нѣмая, перепуганная, слушала и не вѣрила ушамъ. Охота съ человѣкомъ, замѣняющимъ собаку, очень понравилась „папашѣ", и онъ нѣсколько разъ дѣлалъ мнѣ честь назначать мнѣ эту роль. На мое счастье вернулся бѣглецъ, и роль была отнята и возвращена по принадлежности. Какъ бы ни было страшно и жутко нырять въ болото, но все-таки не такъ страшно, какъ воспринимать отъ вотчима свѣтъ ученія. Вмѣсто каждаго урока съ подзатыльниками, щелчками, дерганьями, я съ удовольствіемъ бы раза три нырнула въ зелено-желтыя воды болотъ.

Впрочемъ, я была вознаграждена. „Папаша“ не исполнилъ угрозы лишить меня утки за обѣдомъ, и я была пожалована лапкой и крылышкомъ. Все-таки правда на свѣтѣ торжествуетъ. И такъ время шло, и я продолжала обучаться. Какъ ни странна была метода преподаванія, но я, съ грѣхомъ пополамъ, выучилась читать, писать и вызубрила таблицу умноженія, а затѣмъ усвоила и четыре правила ариѳметики. Откуда, какъ и почему, не знаю, но въ моей головѣ зародилась мысль сдѣлаться артисткой. Я не давала себѣ отчета, какой артисткой: драматической, балериной или пѣвицей, но я мечтала быть артисткой и непремѣнно блондинкой съ голубыми глазами. Гуляя по саду, я мечтала, и какіе-то странные, неясные образы витали въ моей дѣтской головѣ. Для меня было истинное наслажденіе уединиться, уйти подалѣе и мечтать, мечтать, о неизвѣстномъ, невѣдомомъ, но желаемомъ, прекрасномъ мірѣ: мірѣ, какъ мнѣ казалось, чудесъ. Временами это куда-то уплывало, но затѣмъ настойчивѣй и настойчивѣй назрѣвало и вылилось въ ясную форму желанья учиться чему-нибудь такому, чтобы стать артисткой и уйти отъ окружающей, копмарной жизни. Что суждено, то должно случиться. „Суженаго конемъ не объѣдешь“, говоритъ русская пословица, я въ этомъ убѣдилась. Есть рокъ, который ведетъ человѣка, и нѣтъ силы сломить рокъ и найти иной другой.

Глава III.

Первая похвала.

Двое моихъ дядей были балетмейстерами. Родней приходились они со стороны матери. По выходѣ сестры ихъ во второе замужество и зная нравъ мужа, каждый избѣгалъ бывать въ домѣ, зная, на какой пріемъ они могли разсчитывать. Старшій изъ нихъ давалъ уроки въ институтѣ одного губернскаго города. Пріѣхавъ по дѣламъ въ Одессу, близъ которой мы жили, онъ рискнулъ заѣхать къ намъ. Подъ какой счастливой звѣздой родился дядя — не знаю, но принялъ его вотчимъ довольно ласково, и онъ прожилъ нѣсколько дней. Ради него готовились особенные обѣды, покупались вина, словомъ, оказывалось полное гостепріимство.

Въ одинъ изъ вечеровъ зашелъ разговоръ о насъ. Мы съ сестрой играли въ углу, а старшіе вели бесѣду.

— Ну что, начали учить Марусю?—спросилъ дядя.

— Какъ же, отвѣтилъ вотчимъ. Только, говоря по совѣсти, убоище она порядочное. Ничего путнаго изъ нея не выйдетъ. Придется обучать ремеслу, пусть шьетъ платья, а не пойдетъ и это дѣло, отдамъ въ горничныя или кухарки. И, знаете, такая кишка у нея, жретъ за троихъ, а Вѣрка, младшая, тоже подаетъ такія же надежды...

Дядя насупился, но слушалъ и не возражалъ.

— Леличка, вступилась мать, тебѣ это кажется. Право, дѣвочки онѣ хорошія и любятъ тебя...

— А на что мнѣ ихъ любовь? Не въ любви дѣло, а въ томъ, что глупыя дѣвченки и не имѣютъ никакихъ способностей.

— Не вѣкъ же ихъ держать на своей шеѣ...

— Да вѣдь Машенькѣ только десять лѣтъ.

— Вырастетъ, замужъ выйдетъ...

Вотчимъ расхохотался.

— Замужъ выйдутъ? Кому онѣ нужны? Нынче нѣтъ такихъ дураковъ, чтобы безъ приданаго; да и съ виду не казисты. Выростутъ и будутъ хвостотрепки. Брось говорить глупости.—Мать смолкла. Нѣсколько времени въ комнатѣ царила тишина. Мухи чернѣли на потолкѣ, вспархивали и мѣнялись мѣстами, иногда слышалось жужжанье ихъ крыльевъ.

Первымъ прервалъ молчанье дядя.

— Если вы увѣрены въ томъ, что у нихъ нѣтъ данныхъ учиться и идти по пути науки, то быть можетъ у нихъ есть способности къ танцамъ. Вѣра мала, а Маруся уже можетъ начать занятія. Танцевать чѣмъ раньше начать учиться, тѣмъ лучше... Подумайте. Быть можетъ мнѣ пришла счастливая мысль.

Папаша нѣсколько мгновеній молчалъ. Предложеніе было неожиданно, и онъ что-то соображалъ, смотря въ упоръ въ лицо дяди... Затѣмъ откашлялся и началъ:

— Да, быть можетъ, чортъ ихъ знаетъ. Быть можетъ будущія Тальони. Но посылать ихъ въ ученье я не могу. Бросать деньги на вѣтеръ не желаю и... вообще это... фантазія.

— Почему фантазія. Почему. Прежде всего стоитъ вамъ это ничего не будетъ...

Вотчимъ навострилъ уши.

— Марусю я возьму къ себѣ и, конечно, платы брать не буду. Все-таки выростетъ, будетъ кусокъ хлѣба. Какъ ни какъ, но это интереснѣй шитья или карьеры кухарки...

— Гм... да... конечно... Я что же... я пожалуй...

Въ разговоръ вступила мать:

— Видишь, братъ, ты очень добръ, и я очень тебѣ благодарна, но Машенька сейчасъ мала, и ей рано учиться. Пусть годочка два подождетъ...

— Она права, подтвердилъ вотчимъ. Пусть за эти два года она домашнее воспитаніе...

Услышавъ это зловѣщее слово, я выронила изъ рукъ безносую куклу, голова которой разлетѣлась на нѣсколько кусковъ...

Этотъ случай вывелъ папу изъ терпѣнія, и онъ съ дрожью въ голосѣ обратился къ дядѣ.

— Видите, какое это сокровище. И такъ во всемъ. Берите ее хоть сейчасъ, если желаете, а то она и себѣ разобьетъ башку...

Дядя невольно улыбнулся:

— Сестрѣ хочется, чтобы Маруся побыла годика два дома. Я не хочу идти противъ ея желанія Быть можетъ, сестра убережетъ ее, и голова останется цѣла. А куклу я ей подарю новую.

— Ну, батенька, я вижу, вы такой же баловникъ, какъ жена. Да вѣдь не пройдетъ и двухъ дней, и новая кукла отправится въ слѣдъ за этой...

— И пускай. Куколъ затѣмъ и дарятъ, чтобы ихъ въ концѣ концовъ разбивали, а то старыя приглядываются и надоѣдаютъ...

— Ну, знаете, у васъ и теоріи.. Я прошу, пожалуйста, не развивать ихъ, а то дѣвченки въ конецъ испортятся. Ужъ вы сдѣлайте такое одолженіе. Я и такъ не знаю, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣвать. Дядя еще разъ улыбнулся и далъ знакъ согласія.

— Итакъ хвостотрепки пойдутъ въ балерины. Гм...умора. Воображаю, какая это будетъ грація, уноси ты мое горе. Развѣ съ шарманками пойдутъ по дворамъ.... Копѣечки собирать... Мостовыя утаптывать...

— Леличка, начала было укоризненно мать, но папаша такъ посмотрѣлъ, что все остальное, желаемое высказать, было проглочено.

— Да мы сейчасъ испытаемъ.. Машка, иди сюда.

Я подошла и почему-то меньше боялась, чѣмъ всегда. Меняуспокаивалъ видъ дяди, его доброе, симпатичное лицо...

— Ну-ка, протанцуй намъ что-нибудь.

Я только хлопала глазами и не соображала, чего отъ меня хотятъ. Проживши десять лѣтъ на свѣтѣ, я ни разу не танцевала и даже не видала, какъ другіе танцуютъ.

— Нечего хлопать глазами, танцуй, семени ногами, посмотримъ, есть ли у васъ даровитость. Слышишь, танцуй.

Тутъ вступился дядя:

— Такъ нельзя. Изъ этого ничего не выйдетъ. Судить о способностяхъ такимъ образомъ невозможно.

— Почему?

— Потому что дѣвочка не имѣетъ объ этомъ никакого понятія.

— Ну а какъ же?

— Да вообще это рано... но если вы такъ хотите, то извольте, мы это обставимъ иначе.

Дядя всталъ, подошелъ ко мнѣ и ласково потрепалъ меня по щекѣ. Непривычная къ ласкамъ, я была этимъ очень тронута, и мнѣ очень хотѣлось поцѣловать у дяди руку, но я не осмѣлилась...

— Хочешь учиться танцевать?—обратился дядя ко мнѣ съ вопросомъ.

— Хочу, отвѣчала я.

— Будешь дѣлать то, что я тебѣ покажу?

— Буду.

— Ну вотъ умница.

Дядя снова приласкалъ меня.

— Теперь поставь ножки такъ.

Дядя сталъ въ какую-то позицію. Я сразу поняла и вѣрно скопировала пріемъ дяди.

— Теперь ручки держи такъ...

Я опять воспроизвела правильно то, что отъ меня требовали, и дядя только поправилъ кисти рукъ.

— Теперь стой прямо, а ножку выдвигай впередъ. Ну такъ. Теперь назадъ, не торопись, теперь скорѣе, впередъ, опять назадъ, опять впередъ, опять назадъ... Хорошо, умница. Такъ, такъ...

Сердце мое было полно гордости, глаза блестѣли, щеки пылали. Меня хвалили, меня ласкали, нашли, что я что-то умѣю хорошо дѣлать.

Экзаменъ окончился, дядя поцѣловалъ меня. Я не выдержала и тоже чмокнула его... Вотчимъ смотрѣлъ на эту сцену и щурился, какъ старый котъ.

— Ну что, какъ? спросилъ онъ.

— Прекрасно. Маруся и понятлива и граціозна...

— Ну, вотъ и великолѣпно. Благословляю обѣими руками. Тащите ее къ себѣ и орудуйте. Пусть ее весь свой вѣкъ пляшетъ. Черезъ два года, такъ черезъ два, сейчасъ, такъ сейчасъ...

— Подождемъ два года. Время пройдетъ быстро, отвѣтилъ дядя и погладилъ меня по волосамъ.

Прислуга доложила о томъ, что ужинъ поданъ. Всѣ поднялись и пошли въ столовую. Мы съ сестрой остались. Когда всѣ трое скрылись въ другой комнатѣ и я услыхала стукъ вилокъ и ножей и увѣрилась, что о насъ забыли, сейчасъ же стала въ показанную дядей позу и давай продѣлывать все, что продѣлывала на экзаменѣ. Сестра Вѣра, съ любопытствомъ, смотрѣла и вдругъ чему-то громко, весело засмѣялась...

— Эй вы, дармоѣдки, тише!—раздалось изъ столовой.

Мы сѣли на свои обычныя мѣста и стали тихо разговаривать. Я обѣщала сестрѣ, что—завтра, когда папашенька уйдетъ, я и ее выучу такой же штукѣ, какъ выучили меня. Вѣра отъ удовольствія меня поцѣловала, и мы продолжали шептаться по этому дѣлу.

Ужинъ кончился. Старшіе вышли. Накормили насъ и отправили спать.

На другой день дядя уѣхалъ и еще разъ повторилъ свое предложеніе учить меня танцамъ.

Все, что мнѣ было показано, я заучила превосходно и ждала того времени, когда я начну занятія полностью. Раза два вотчимъ звалъ меня, приказывалъ становиться въ позу и чему-то училъ, вѣроятно пластикѣ.

Конечно, не обходилось безъ его спеціальныхъ поощреній. Послѣ этихъ уроковъ танцы тоже переставали казаться танцами, а чѣмъ-то скучнымъ, томительнымъ. Пробовалъ папаша меня учить русскую, показывалъ, объяснялъ, но я ничего не могла усвоить.

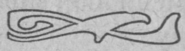
Онъ положительно убѣдился въ моей бездарности и нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что дядя будетъ со мной напрасно мучиться и что мое настоящее дѣло—быть судомойкой. На мое счастье, папаша скоро забылъ о танцахъ, какъ почти забылъ и о домашнемъ воспитаніи.

Явилось у вотчима желаніе повезти маму въ Москву познакомить съ своими родными. Поѣздка предвидѣлась продолжительная и, въ концѣ концовъ, надумали насъ отправить къ дядѣ. Мать кой-что подшила намъ, и мы съ ней отправились пароходомъ къ мѣсту жительства дяди. При

разставаніи мама горько плакала, крестила насъ, цѣловала, просила брата беречь насъ и уѣхала.

Началась жизнь у дяди. Онъ былъ одинокъ. Мы постоянно были однѣ, но онъ заботился, сколько могъ, и жизнь наша была спокойнѣе, чѣмъ въ домѣ папаши. Мы обѣ скучали только по матери. Она писала, справлялась о насъ, передавала поцѣлуи, благословенье и присылала деньги на гостинцы. Словомъ началась новая жизнь, полная свободы, отсутствія колотушекъ и брани.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное, ужасное, но объ этомъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

Сообщилъ **Б. Скуратовъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).